

МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

Ольга АНТОНЮК,

аспирант отдела европейского права
и международной интеграции
Института законодательства Верховной Рады Украины

Summary

The article deals with aspects of international mediation utilization within resolution of conflict in Ukraine and efficiency of such an instrument of settlement. There will be considered basic factors, which affect efficiency and performance of mediation in this conflict, as well as options for negotiation process design with regard to international mediation application will be suggested.

Key words: international conflict, mediation, conflict resolution, Ukraine, Russia, UN, OSCE.

Аннотация

В статье речь пойдет об аспектах применения международной медиации к конфликту в Украине и степени возможной эффективности такого способа урегулирования. Будут рассмотрены основные факторы, влияющие на эффективность и результативность медиации в данном конфликте, и предложены варианты модификации переговорного процесса в контексте применения международной медиации.

Ключевые слова: международный конфликт, медиация, урегулирование конфликта, Украина, Россия, ООН, ОБСЕ.

Постановка проблемы. Конфликт, в котором в настоящее время участвует Украина, имеет несколько плоскостей – юридическую, геополитическую, гуманитарную. Такие конфликты начинаются как региональные, но несут угрозу всеобщему миру и безопасности. Для конфликтов современности свойственна эта черта, препятствующая возможному их урегулированию классическими методами. В связи с этим, необходимость поиска действенных методов урегулирования является одним из приоритетов Украины и всего мирового сообщества.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью новизны для Украины явления медиации в целом и темы международной медиации в частности – в настоящее время практически нет ни одной фундаментальной работы о применении международной медиации для конфликтов при участии Украины.

Научный анализ проблем, связанных с медиацией в международной плоскости осуществляется очень мало. Среди немногочисленных системных исследователей данной тематики стоит отметить Т.К. Киселеву. Также наблюдаются отдельные публицистические статьи Н.В. Дарагановой, О.Ю. Кронда и других.

Целью и задачей статьи является исследование возможности применения медиации для решения конфликта в Украине, а также определение факторов, имеющих значение для эффективности такого процесса урегулирования. Новизна работы заключается в том, что в ней

поднимаются вопросы рациональности текущего переговорного процесса и выдвигаются гипотезы по его пересмотру в соответствии с доктриной медиации.

Изложение основного материала исследования. Медиация считается эффективным и действенным способом борьбы со сложными конфликтами, в том числе внутрисубъективными, которые угрожают международному миру и безопасности, однако это не означает, что любой конфликт может быть решен посредством медиации. Многие конфликты слишком интенсивны, глубокое укоренение сторон на своих позициях, их чрезмерная жесточечность являются препятствиями в достижении существенных результатов любым медиатором. Некоторые неразрешимые конфликты заходят дальше и дальше, появляются вспышки насилия. Они перестают быть неразрешимыми только тогда, когда происходят существенные системные изменения (например, смена лидеров, крах государственности и т. д.). Важным вопросом является критерий разграничения конфликтов, которые могут быть решены путем медиации, и тех, которые не могут, а также то, как медиаторы могут увеличить свои шансы на успех.

По мнению исследователей [3], решение проблемы Украины может лежать в плоскости международной медиации. В свою очередь, Совет безопасности и Генеральная Ассамблея ООН также постоянно призывают все стороны немедленно перейти к мирно-

му решению ситуации в Украине путем прямого политического диалога, проявлять сдержанность, воздерживаться от односторонних действий и провокационной риторики, которые могут усилить напряженность, а также полностью взаимодействовать с международными медиационными усилиями [9].

Исследователи и практикующие медиаторы приводят ряд факторов, которые в совокупности можно расценивать, как составляющие теста на возможность применения медиации, целесообразность той или иной кандидатуры медиатора и эффективности процесса в целом. Именно такой тест предлагается применить к перспективе медиации конфликта, существующего в Украине. Для его проведения необходимо провести анализ и оценку конфликта с учетом его предпосылок; вовлеченных сторон, их особенностей и интересов; возможных кандидатур медиаторов, их соответствия принципиальным признакам медиатора – прежде всего, нейтральности, и времени вмешательства. Медиаторы могут принимать участие в решении конфликта только после тщательного и полного его анализа, определения вопросов повестки дня, контекста и динамики, жалоб сторон. Сложные конфликты обычно являются многослойными, и, следовательно, инициатива медиации, чтобы быть успешной, должна основываться на понимании ситуации, а не только на добрых намерениях. Анализ всех аспектов конфликта является важной предпосылкой для успешной медиации.

Сейчас кризис находится в фазе эскалации, первоначально разворачиваясь в виде внутреннего конфликта, регионального по своей сути, и позже приняв международное измерение. Предполагается [9], что это стало результатом военной тактики России и намерения самопровозглашенных республик присоединиться к Российской Федерации. Поскольку США и ЕС отказались признать эти субъекты, несмотря на попытку референдума, международное сообщество открыто вмешалось в конфликт. Это нашло свое отражение в единодушной позиции относительно намерений провозглашения независимости, поддержки украинского правительства введением и последующим усилением санкций, наложенных на российских граждан и организаций. Независимо от различных интересов, лежащих в основе решений членов мирового сообщества, ряд инициатив были реализованы странами-членами Европейского союза с целью мирного урегулирования конфликта. Позиции соседних государств глубоко повлияли на эволюцию кризиса, потому что стороны конфликта нашли у России и ЕС поддержку, необходимую для удержания своих позиций. Риски данной ситуации очень высоки, и для того, чтобы избежать тупика, необходимо тщательное планирование стратегии и тактики переговоров на международном уровне, в том числе взвешивание перспектив использования специальных форм переговоров, таких как медиация.

Эскалация российско-украинского конфликта, который уже привел к аннексии Крыма и вооруженного противостояния на востоке страны, в некоторых случаях неправильно или в одностороннем порядке рассматривается как чисто внутренний вопрос (гражданский конфликт), или как конфликт между Украиной и Россией (украинско-российская война). Суженное или одностороннее восприятие конфликта приводит к неэффективности предлагаемых способов его урегулирования. Сложность украинско-российских связей, связанность украинской и российской экономик, военно-промышленного сотрудничества, энергетический фактор, Крым и ряд других причин препятствуют быстрому и упрощенному урегулированию конфликта. Дополнительно должен быть принят во внимание региональный контекст и прецедентный характер россий-

ско-украинского урегулирования для всех территорий бывшего Советского Союза, а также желание укрепления европейских интеграционных векторов в странах бывшего Советского Союза.

С начала кризиса позиционный торг был стратегией всех сторон. В связи с нынешней ситуацией в Украине стоит рассмотреть возможность перехода к концепции принципиального переговорного процесса, который предполагает включение в урегулирование всех сторон конфликта и учета их интересов. Целью этого является сосредоточение на общих взглядах и концепциях, а не на различии позиций конфликтующих сторон в попытке удовлетворить свои потребности и интересы, что по своей сути является способом ухода от позиционного торга в принципиальных переговорах.

В настоящее время в конфликте участвует много сторон. Существует мнение [9], что необходимо учитывать только те из них, которые имеют непосредственное отношение к происходящему и непосредственно противостоят друг другу: государство Украина в лице ее Президента и сепаратистские группы самопровозглашенных народных республик в Донецком и Луганском регионе. Вторичные стороны, так или иначе непосредственно заинтересованные в конфликте – это Россия, ЕС (как содружество государств) и США, в то время, как третьими лицами выступают: все тот же ЕС, но уже как международный институт, и ОБСЕ в лице своих официальных представителей.

Вторая точка зрения [1] заключается в том, что медиация должна привести за стол переговоров все без исключения заинтересованные стороны, то есть, представителей США и России, Украины и лидеров сепаратистских движений, так как они являются основными противниками. В то время, как государства-члены ЕС, такие как Германия или Франция не должны играть роль медиаторов, поскольку ЕС слишком вовлечен в кризис, а следовательно, заинтересован. Государства ЕС являются частичными «инсайдерами» процесса, поэтому они обретут большую легитимность в качестве сторон, а не медиаторов. Для ведения переговоров необходим более беспристрастный медиатор, преданный ценностям прав человека и международным нормам.

Исходя из принципов медиации, переговорный процесс должен включать в себя все стороны, вовлеченные в конфликт. То есть, свое место за столом переговоров должны иметь и США, и ЕС, и Россия, и Украина в лице своих официальных представителей, а также уполномоченные представители сепаратистских групп. Однако очевидно, что учитывая характер и уровень переговоров, может последовать отказ Украины относительно участия в переговорах за одним столом с непризнанными формированиями, во избежание малейшего движения в пользу их легитимизации. Поэтому, учитывая влияние российского правительства на непризнанные республики, официальный представитель России мог бы представлять также и сепаратистов [9]. Это предложение включает в себя аспект противодействия легитимизации сепаратистских движений, который может беспокоить представителей Украины, а также учитывает способность российского правительства осуществлять решающее влияние на деятельность пророссийских групп в регионе.

Однако при таком составе сторон представители РФ могут навязать себя в качестве «силового посредника» между Украиной и сепаратистскими группировками. Таким образом, официальными сторонами в медиации должны быть Украина, Россия, Соединенные Штаты и Европейский союз с обеспечением, тем не менее, адекватного уровня представительства для каждой из сторон.

Для успешности медиации конфликта важно привлечь к процессу урегулирования признанных лидеров каждой стороны, законных и легитимных с точки зрения всех заинтересованных сторон, имеющих реальные рычаги контроля над своей территорией. Наличие признанных и узнаваемых лидеров, представляющих основу сообщества, от имени которого выступают, воплощающих его надежды и ожидания, обеспечивает медиаторам возможность коммуникации с людьми, *de facto* влияющими на ход конфликта и уполномоченными на принятие решений о примирении. При наличии конкурирующих лидерских фракций или нехватке полномочий шансы на успешность процедуры медиации значительно снижаются.

При планировании медиативного вмешательства необходима также до-

полнительная информация о сепаратистских движениях, действующих в регионе, а также реалиях их повестки дня. Тщательный анализ условий и результатов референдумов, проведенных в Донцке и Луганске, необходим для подтверждения статуса представителей, которые участвуют в переговорах со стороны сепаратистских образований. Переговоры должны сопровождаться медиационными инициативами, которые существуют на всех уровнях конфликта.

Для успеха медиации важно, чтобы ни одна из сторон не имела в своем составе сторонников насильственного пути решения спора. Они наносят значительный ущерб как инициативе медиации, так и процедуре в целом, когда она уже начата. Сторонниками насилия, чаще всего, выступают лица, имеющие наибольшую выгоду от дальнейшей эскалации конфликта и его разрастания, мирное же решение конфликта путем удовлетворения интересов фактических сторон конфликта будет для них менее выгодным.

Существует мнение [6], что иницирование медиации и дальнейшее ее успешное проведение в случаях, если одной из сторон спора является сверхдержава, или она имеет значительные интересы, маловероятно, ведь участие в конфликтах крупных государств налагает жесткие ограничения на медиационные усилия. В этом случае, во-первых, медиатору будет сложно контролировать процесс и управлять поведением сторон, и, во-вторых, меры по обеспечению выполнения достигнутых договоренностей сильной стороной не будут подкрепляться авторитетом медиатора. Однако такая точка зрения применима только к ситуациям неравного конфликта, когда вероятный медиатор не может сравниться или «превзойти» более влиятельную сторону конфликта по статусу. Если же влияние и возможности сильного медиатора не уступают более сильной стороне конфликта, риск срыва медиации по причине неравенства незначителен.

Для того чтобы обеспечить адекватность процесса медиации и участие в нем всех заинтересованных сторон, переговорный процесс должен включать в себя три этапа: предварительные переговоры, собственно переговоры и завершающую фазу [9]. При этом на предварительных переговорах будет определяться кандидатура медиатора, приемлемая для

всех сторон и рациональная для вмешательства именно в этот конфликт, а уже на переговорах стороны смогут перейти к требованиям по существу. Завершающая фаза необходима для закрепления достигнутых соглашений и надзора мирового сообщества за выполнением обязательств сторон.

Консенсус в отношении медиатора и выбор наиболее правильной кандидатуры является одним из важнейших факторов для успешности процесса. Учитывая характер и сложность, медиация российско-украинского конфликта требует скоординированного подхода между различными аспектами вмешательства. Для достижения должного уровня сотрудничества необходимо использование разнообразных методов, междисциплинарного фокуса и полного спектра методов взаимодействия, соответствующих сущности проблем и опасений сторон. Медиатор должен обладать определенным уровнем ресурсов, настойчивостью и опытом. Медиаторы наивысшего ранга или статуса обладают этими атрибутами и таким образом, более вероятно, будут успешны. Они имеют возможности апеллировать непосредственно к мировому сообществу и получать поддержку того или иного мирного соглашения. Влиятельные, высокопоставленные или статусные медиаторы имеют возможность вести диалог на высшем уровне, задействовать максимум ресурсов, информации, усилий и времени для разрешения конфликта. Они могут работать в направлении достижения определенных видимых признаков прогресса в краткосрочной перспективе и определять шаги, которые необходимо предпринять, чтобы справиться с проблемами, в более длительный период для достижения мира – так называемые «дорожные карты». Влиятельные посредники способны эффективнее локализовать конфликты и способствовать адаптивному поведению сторон.

При планировании вмешательства медиатор должен оценить целесообразность своего участия в урегулировании конфликта в Украине. Для этого необходимо провести всесторонний анализ всех элементов взаимодействия в конфликте. В придачу ко всей информации, полученной через средства массовой информации и специализированные отчеты, дополнительные данные должны быть собраны по всем субъектам, уже

участвующим в конфликте. Этот специфический аспект включает официальные и неофициальные посреднические инициативы и их представителей. Кроме того, потенциальные медиаторы также должны иметь определенность относительно условий их готовности стать частью процесса разрешения спора, их собственных интересов, а также уровня их влияния [9].

Сейчас одним из ведущих посредников в переговорах выступает Германия, однако статус ее беспристрастности и объективности нельзя считать однозначным. Во-первых, Германия поддерживает «стратегию терпения» в политике в контексте отношений с Россией. Во-вторых, она убеждена, что Европа обречена на сотрудничество с РФ, и благополучие и безопасность в Европе возможны только с Россией в качестве партнера, а не в противостоянии против него или без него. Это провоцирует вопросы, касающиеся способности Германии эффективно вести переговоры и добиваться реальных решений по конфликту.

Достижения Германии, выступающей главным миротворцем, очевидны – в связи со своим участием в урегулировании конфликта она усилила свое лидерство в Европейском союзе. Общественное мнение только усиливает легитимность статуса Германии, как представителя, уполномоченного вести переговоры от имени ЕС. Тем не менее, имели место многочисленные стратегические ограничения в политике Германии по российской агрессии в Украине, поэтому возникает вопрос, принимает ли немецкое правительство на себя ответственность за проведение переговоров в этом конфликте, или по-прежнему проводит дипломатическую миссию, направленную на достижение политического соглашения с Россией [2].

К достижениям Германии и Франции, как посредников в переговорном процессе, можно было отнести заключение первых и вторых Минских соглашений. Однако это достижение со временем оказалось хрупким и ненадежным, ведь большинство из тринадцати пунктов второго Минского соглашения уже были отражены в Минском протоколе от 5 сентября 2014, но большинство из них были нарушены [4].

Можно предположить, что Германия, даже в дуэте с Францией, является не самым оптимальным выбором медиатора

в данном случае. Тем не менее, другие возможные медиаторы не закрепились в данной роли.

Так, в начале 2014 года выдвигались предположения, что Канада в сотрудничестве с ОБСЕ могла бы рассматриваться в качестве медиатора, так как она высказывалась в пользу возможного мирного решения конфликта путем международной медиации [11]. Предложения по своей кандидатуре медиатора поступали не только от Канады, но и со стороны Казахстана. Президент Нурсултан Назарбаев проявил свою «готовность действовать в качестве честного посредника» [8], чтобы помочь разрешить кризис в Восточной Украине. По его мнению, взаимоотношения Казахстана и с Украиной, и с Россией, и поддержка независимости и территориальной целостности Украины одновременно с принадлежностью к Таможенному Союзу могла бы стать залогом беспристрастности и честности медиатора. Не осталось в стороне и Израильское правительство, выразив предложение о своей кандидатуре в качестве медиатора в конфликте, аргументируя свою позицию глубокими связями как с Украиной, так и с Россией, своим авторитетом у каждой из сторон, а также утверждая свою беспристрастность и нейтральность в конфликте, и заинтересованность в достижении мирного урегулирования [5].

Оптимальным вариантом медиатора могла бы быть международная организация, такая как ОБСЕ, ЕС или ООН, как воплощение исключительно миротворческих намерений и олицетворение полного отсутствия собственных интересов любого уровня.

Дополнительные факторы, имеющие значение, – зрелость ситуации, сроки, длительность и темп переговорного процесса. Медиация должна инициироваться в оптимальное время, момент «зрелости» конфликта. Так как в начале конфликта медиация может оказаться преждевременной, и в конечном итоге может столкнуться со многими препятствиями. Момент «зрелости» конфликта наступает, когда стороны истощены и устали, не хотят нести дальнейшие потери и готовы взять на себя обязательства по урегулированию. В разрушительных конфликтах, склонных к эскалации, медиация может иметь шанс на успех, только если медиатор отыщет момент,

когда стороны, по целому ряду причин, наиболее подвержены изменениям. Момент вмешательства в неразрешимый конфликт имеет решающее значение и должен быть надлежащим образом взвешен медиатором.

По мнению С. Чики [9], российско-украинский конфликт еще не созрел, так как первичные стороны – сепаратистские группы и правительство Украины – все еще имеют надежду одержать победу и рассчитывают на внешнюю поддержку. При рассмотрении зрелости конфликта важно учитывать также влияние санкций на экономику России. Важно дождаться момента, когда основные стороны, наконец, придут к пониманию того, что ситуация зашла в тупик. Темп и продолжительность переговорного процесса будут определяться сроками и способностью эффективно привлечь всех заинтересованных участников вместе с уровнем интереса, проявляемым со стороны международного сообщества в целом.

В дополнение к упомянутому выше необходимо учитывать и территориальный фактор. Он включает тщательный отбор безопасной и нейтральной среды, подготовку переводчиков, брифинги и тренинги, если нужно. В рамках этого фактора Минск, как место проведения переговоров, также является неоднозначным решением, учитывая географическое расположение и экономико-политические связи Беларуси с РФ. Целесообразнее было бы рассмотреть территории внеблоковых государств с меньшим уровнем влияния со стороны участников переговоров.

Важность поддержки на постпереговорном этапе будет также актуальна независимо от медиатора и продолжительности вмешательства. Во время этой фазы, несмотря на результат, медиатор, отвечающий за процесс, должен следить за всеми сторонами. В случае урегулирования он также должен контролировать каждую из сторон на этапе заключения мирного соглашения. Это необходимо, чтобы убедиться, что достигнутое соглашение и установленные им гарантии, будут обеспечены международным сообществом и международной правовой системой в случае их нарушения. В случае отказа сторон оценка процесса позволит медиатору принять решение о возможности организации еще одного раунда

переговоров или порекомендовать другие способы решения проблемы.

Выводы. Шаги к более эффективной и реальной медиации конфликта в Украине могли бы быть следующими. Во-первых, правильное определение всех заинтересованных сторон и вовлечение их в переговоры. Во-вторых, стоит пересмотреть кандидатуру медиатора и остановиться на авторитетной международной организации. В-третьих, геополитическая реальность конфликта должна быть принята во внимание наряду с рядом внутренних проблем, стоящих перед Украиной. В-четвертых, акценты диалога должны быть смещены с позиций разногласий и идеологии в сторону интересов (безопасность, преодоление коррупции, экономическое развитие, верховенство закона и т. д.). Наряду с вышеуказанными шагами, стороны конфликта должны проявить желание переосмыслить кризис и решить геополитические конфликты, вызвавшие его.

К сожалению, стороны российско-украинского конфликта еще не пришли к осмыслению необходимости достижения реальных договоренностей. По этой причине возможная медиация должна, прежде всего, быть направленной на управление конфликтом, а не на его решение. Поскольку управление конфликтом направлено на ограничение и локализацию конфликта, успех такой медиации позволит сторонам конфликта перевести режим их взаимодействия из разрушительного русла в более конструктивное. Решение конфликта будет более возможным, как только будет создан более благоприятный климат в переговорах.

Список использованной литературы:

1. Alex Azarov, Mediation Perspectives: Reframing the Ukraine Crisis, 27 March 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isnblog.ethz.ch/international-relations/mediation-perspectives-ukraine>.
2. Anna Kwiatkowska-Drożdż Kamil Frymark, Germany in the Russian-Ukrainian conflict: a political or a humanitarian mission? OSW COMMENTARY, 2015-02-18. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2015-02-18/germany-russian-ukrainian-conflict-a-political-or-a>.

3. Could European mediation solve the political crisis in Ukraine? 25/01/14 08:58 CET. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://www.euronews.com/2014/01/25/could-european-mediation-solve-the-political-crisis-in-ukraine/.

4. Is there reason to hope for Minsk II? Michael Emerson, Centre for European Policy Studies, 13 February 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //www.opendemocracy.net/opensecurity/michael-emerson/is-there-reason-to-hope-for-minsk-ii.

5. Israel is prepared to mediate between Russia and Ukraine, Lieberman says. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://www.i24news.tv/en/news/israel/diplomacy-defense/59037-150126-maintaining-good-relations-with-russia-a-top-priority-for-israel-fm-says.

6. Jacob Bercovitch, International Mediation and Intractable Conflict, January 2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://www.beyondintractability.org/essay/med-intractable-conflict.

7. Mapping of dialogue initiatives to resolve conflict in Ukraine. Initiating Participatory National Dialogue in Ukraine. International Centre for Policy Studies (ICPS), January 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://icps.com.ua/assets/uploads/files/mapping_of_dialogue_initiatives_eng_.pdf.

8. Nazarbaev Ready To 'Mediate' In Ukraine December 22, 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://www.rferl.org/content/ukraine-russia-kazakhstan-nazarbaev/26755966.html.

9. Resolution adopted by General Assembly on 27 March 2014, Док ООН A/RES/68/262 від 1 April 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/a_res_68_262.pdf.

10. Sabrina Chikhi, Ukraine Conflict: Resolution through Negotiation, August 22, 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://www.monitor.ureace.org/innerpg.cfm?id_article=1062.

11. Taras Kuzio, Could Sanctions and Mediation Save Ukraine? February 6, 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://theglobalobservatory.org/2014/02/could-sanctions-and-mediation-save-ukraine/.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ДЕФИНИЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДИСТАНЦИОННОЕ ЗОНДИРОВАНИЕ ЗЕМЛИ ИЗ КОСМОСА»

Марианна БЕК,

соискатель кафедры международного права
Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

This article deals with definition of «Earth remote sensing» (ERS definition) in international law. For carrying out such analysis there are proposed six structural elements. Firstly, the author studies ERS definitions suggested in science of international space law. Then ERS definitions provided by UN Resolution on ERS of 1986 and by both multilateral and bilateral international treaties in force. Taking into account an intensive recent development of national regulations of ERS activities, conceptual national legal ERS definitions are additionally examined here. As a result of research, author formulates an integrated and modern ERS definition in order to develop a new effective international regulation of ERS activities.

Key words: earth remote sensing (ERS), ERS definition in international law, international space law.

Аннотация

Статья посвящена анализу понятия «дистанционное зондирование Земли из космоса» (ДЗЗ) в международном праве. Для проведения анализа автор использует шесть структурных элементов. Сначала анализируются дефиниции понятия ДЗЗ в науке международного космического права. Затем приводится детальный правовой анализ определений понятия ДЗЗ в Резолюции ГА ООН «Принципы, касающиеся ДЗЗ» 1986 года, а также в действующих много- и двусторонних международных договорах. Принимая во внимание интенсивное недавнее развитие национального регулирования деятельности по ДЗЗ, дополнительно рассматриваются концептуальные национально-правовые дефиниции понятия ДЗЗ. В итоге, автор формулирует комплексное и актуальное определения понятия ДЗЗ в целях разработки эффективного международно-правового регулирования деятельности по ДЗЗ в будущем.

Ключевые слова: дистанционное зондирование Земли из космоса (ДЗЗ), международно-правовая дефиниция понятия ДЗЗ, международное космическое право.

Постановка проблемы. Принципы дистанционного зондирования Земли из космического пространства, принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 41/65 от 03.12.1986 года (далее – Принципы ДЗЗ 1986), являются единственным универсальным международно-правовым актом, который содержит определение понятия «дистанционное зондирование Земли из космоса» (далее – ДЗЗ). Принципы ДЗЗ 1986 распространяются исключительно на экологическую деятельность по ДЗЗ, в частности на природно-ресурсную деятельность по ДЗЗ касательно природных ресурсов гидросферы и поверхности литосферы, и на экологическую деятельность по ДЗЗ касательно окружающей среды в гидросфере (охрана окружающей среды) и на поверхности литосферы (землепользование и охрана окружающей среды).

Узость предмета правового регулирования Принципов ДЗЗ 1986 ставит перед международным сообществом задачу разработки универсального международно-правового акта, регламентирующего международные отношения, связанные с осуществлением всех фактических целевых видов деятельности по ДЗЗ. Для корректного определения предмета правового регулирования такого акта следует, прежде всего, сформулировать комплексное и актуальное международно-правовое определение (далее – МПО) понятие ДЗЗ.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы: в настоящее время нет ни одной фундаментальной работы по МПО понятия ДЗЗ.

Проблема МПО понятия ДЗЗ, с целью формулирования такого определения для разработки будущего универсального международно-правового